Проф. А. А. Кауфманъ.

Къ аграрному вопросу.

Изданіе „Земледѣльческой Газеты".

1917.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1917.

31

Къ аграрному вопросу.

Я не случайно озаглавливаю свои замѣтки не «Аграрный вопросъ», а «Къ аграрному вопросу»: аграрный вопросъ слишкомъ широкъ и соприкасается съ слишкомъ многими сторонами экономической, культурной и политической жизни народа, чтобы его возможно было съ какой либо степенью обстоятельности разсмотрѣть въ рамкахъ небольшой брошюры. Я, поэтому, ограничиваю свою задачу и разсматриваю лишь тѣ стороны аграрнаго вопроса, которыя непосредственно связываются съ двумя частными вопросами, или, лучше сказать, съ двумя «аспектами» одного частнаго вопроса: съ вопросомъ о расширеніи трудового крестьянскаго и съ вопросомъ о судьбѣ крупно-помѣстнаго землевладѣнія.

Еще одна оговорка. Я выступаю не какъ партійный дѣятель, который связанъ опредѣленною партійною программою или «платформой» и за выступленія котораго отвѣтственна его партія, не какъ идеологъ какого-либо опредѣленнаго, «праваго» или «лѣваго» соціально-политическаго теченія, а исключительно какъ научный работникъ и изслѣдователь, который хочетъ подѣлиться съ опредѣленнымъ кругомъ читателей результатами тридцатилѣтней работы, тридцатилѣтнихъ наблюденій и размышленій.

I.

О расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.

Къ вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія и — какъ оборотная сторона медали — о судьбѣ крупно-

помѣстнаго землевладѣнія и капиталистическаго земледѣлія подходятъ съ двухъ сторонъ: одной, чисто практической—задаются цѣлью устранить крестьянское малоземелье, помочь страдающему отъ недостаточности земельныхъ надѣловъ крестьянству; и другой, болѣе принципіальной, находящей себѣ наиболѣе рѣзкое выраженіе въ лозунгѣ «вся земля всему народу»—хотятъ устранить создавшуюся на почвѣ насилія и захвата вѣковую несправедливость.

Начну съ первой, непосредственно-практической стороны—съ вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ.

Несомнѣнный фактъ, что ощущаемая крестьянами и проявляющаяся въ массовыхъ конкретныхъ фактахъ нужда въ землѣ огромна. Вездѣ и всѣ крестьяне жалуются на малоземелье; вездѣ и всѣ всячески добиваются земли; вездѣ и всякій крестьянинъ жадно бросается на всякую возможность расширить свое землевладѣніе или, по крайней мѣрѣ, свое землепользованіе—покупаютъ землю, арендуютъ, переселяются. Въ томъ или другомъ видѣ рѣзкіе симптомы земельной нужды наблюдаются и въ густо-населенномъ черноземномъ центрѣ, и на промышленномъ сѣверѣ, и на просторѣ заволжскихъ степей, и въ—казалось бы — еще столь пустынной и рѣдко населенной Сибири; и у обиженныхъ при выходѣ на волю бывшихъ помѣщичьихъ, и у получившихъ, въ свое время, вполнѣ достаточные надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и у баловней судьбы—казаковъ. И особенно поразительный фактъ, констатируемый, напр., К. А. Мацѣевичемъ для Харьковской губерніи, подмѣченный мною въ Тобольской и т. п.: жалобы на малоземелье раздаются гораздо громче и симптомы его наблюдаются въ болѣе остромъ видѣ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя, по даннымъ о размѣрахъ земельнаго обезпеченія, пользуются сравнительно широкимъ земельнымъ просторомъ, нежели въ тѣхъ, гдѣ въ распоряженіи населенія имѣется значительно меньшее количество земли.

А затѣмъ, съ другой стороны, жалобы на малоземелье раздаются и симптомы его, въ самомъ дѣлѣ, наблюдаются у насъ и въ юго-западномъ краѣ, при 3—4 десятинахъ, и въ черноземномъ центрѣ при 6—8, и въ Заволжьѣ при

12—15, и въ Сибири, и въ киргизскихъ степяхъ при 25, 30, 40 и болѣе десятинахъ на хозяйство; и проф. В. Э. Денъ совершенно правъ, когда относитъ хозяйство подавляющей массы нашего крестьянства не къ типу «крестьянскаго хозяйства», какъ его опредѣляютъ учебники сельскохозяйственной экономіи, а къ типу парцеллярнаго, карликоваго хозяйства, существенно дополняемаго тѣмъ или другимъ подспорнымъ заработкомъ. Между тѣмъ, въ сосѣдней намъ Германіи хозяйства въ 2—5 гектаровъ относятъ — даже на общеимперскій масштабъ — къ типичнымъ «мелкокрестьянскимъ», т. е. такимъ, гдѣ земельный участокъ и основанное на немъ хозяйство используютъ весь трудъ и обезпечиваютъ всю сумму потребностей крестьянской семьи, и болѣе трехъ четвертей—77% всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ располагаютъ земельною площадью не свыше пяти гектаровъ—на нашу мѣру 4½ десятинъ; во Франціи такія, на русскій масшабъ несомнѣнно «малоземельныя», хозяйства составляютъ приблизительно такой же процентъ, въ Бельгіи даже около девяти десятыхъ всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ.

Ясно, что русское малоземелье—это какое-то особенное, своеобразное явленіе — малоземелье sui generis, и что его никакъ нельзя свести къ одному только недостаточному количеству земли; что дѣло не въ недостаткѣ земли, какъ таковомъ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе сложномъ и труднѣе уловимомъ.

Подойдемъ теперь къ вопросу съ нѣсколько иной стороны. К о г о, спрашивается, считать малоземельнымъ и кого—не страдающимъ отъ малоземелья; к а к о е количество земли можно признать за достаточное и какое — за недостаточное земельное обезпеченіе? Очевидно, при рѣшеніи этого вопроса для каждаго отдѣльнаго случая или каждой однородной группы случаевъ нужно было бы исходить изъ какихъ либо опредѣленныхъ количественныхъ нормъ и достаточно общеизвѣстно, что при построеніи таковыхъ можно исходить либо изъ трудового, либо изъ потребительнаго принципа; опредѣлять либо то количество земли, какое являлось бы достаточнымъ, чтобы дать приложеніе

всему труду средней крестьянской семьи, либо то, какъ правило (но не всегда) гораздо меньшее, доходомъ съ котораго покрывался бы извѣстный минимумъ ея насущныхъ потребностей. И вотъ, уже нѣсколько десятилѣтій, русская научная и общественная мысль настойчиво стремится установить, съ одной стороны, трудовыя, съ другой — потребительныя нормы крестьянскаго земельнаго обезпеченія. Стремится — но безуспѣшно. Мнѣ въ разное время и по разнымъ случаямъ пришлось немало поработать надъ вопросомъ о нормахъ земельнаго обезпеченія; думаю, что я болѣе или менѣе исчерпывающимъ образомъ знакомъ со всѣми дѣлавшимися въ данномъ направленіи попытками; и я думаю, что съ моей стороны не будетъ чрезмѣрною смѣлостью утверждать, что задача отысканія нормъ не только до сихъ поръ не разрѣшена, но и неразрѣшима. Она неразрѣшима, прежде всего, технически. Какъ извѣстно, мы не имѣемъ сколько нибудь твердыхъ данныхъ о размѣрахъ необходимаго потребленія важнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ; мы лишь самымъ грубымъ образомъ можемъ опредѣлить «рабочую» площадь для семьи средняго состава; можемъ лишь гадать объ истинной цѣнѣ большинства продуктовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; мы имѣемъ лишь очень приблизительныя данныя объ урожайности и вообще производительности земли. А между тѣмъ, достаточно взять любой изъ этихъ элементовъ немножко больше или немножко меньше,—и получатся нормы совершенно различной величины; и рѣшительно нельзя будетъ сказать, какія изъ нихъ вѣрны и какія нѣтъ, каковъ возможный размѣръ допущенной ошибки. Но болѣе того—задача нахожденія нормъ крестьянскаго землевладѣнія неразрѣшима и принципіально. Всякая трудовая норма вычисляется въ предположеніи существующихъ пріемовъ обработки земли, всякая потребительная норма исходитъ изъ существующей ея производительности. Существующіе способы веденія хозяйства и обусловливаемый ими уровень производительности земли принимаются, значитъ, за нѣчто данное—за независимыя перемѣнныя, и нормы вычисляются какъ функція этихъ независимыхъ

перемѣнныхъ. На дѣлѣ, наоборотъ—при всемъ разнообразіи моментовъ, вліяющихъ на способы веденія хозяйства, эти способы, а слѣдовательно и обусловливаемый ими уровень производительности земли, являются функціею густоты населенія и его средней обезпеченности землею—разумѣя, притомъ, не юридическую, а фактическую обезпеченность, не «землевладѣніе», а «землепользованіе». Приростъ населенія и земельное «утѣсненіе»—вотъ основной факторъ сельскохозяйственнаго прогресса, его, можетъ быть, не достаточное, но необходимое условіе. Въ частности, суть нашего аграрнаго вопроса,—скажу я, забѣгая нѣсколько впередъ,—сводится къ тому, что сгустившееся населеніе и вызванное его сгущеніемъ земельное «утѣсненіе» настоятельно требуютъ замѣны сложившихся при несравненно болѣе рѣдкомъ населеніи и несравненно большей степени земельнаго простора способовъ хозяйства другими, болѣе отвѣчающими современнымъ условіямъ, способными поглотить трудоспособность земледѣльческаго населенія и дать ему достаточный для безбѣднаго существованія доходъ. А такая замѣна неизбѣжно ведетъ, и не можетъ не вести, къ пониженію какъ рабочей, такъ и потребительной нормы: сельскохозяйственный прогрессъ сопровождается увеличеніемъ трудовыхъ затратъ на единицу площади и ведетъ за собой повышеніе ея производительности; слѣдовательно, уменьшаетъ и ту площадь, какую можетъ обработать средняя крестьянская семья, и ту, какая можетъ дать достаточный для покрытія ея потребностей доходъ. Отсюда безчисленныя логическія противорѣчія, или, лучше сказать, противорѣчіе получающихся теоретическихъ выводовъ съ практическою возможностью. Отмѣчу изъ нихъ только одно: неизбѣжное при практикующихся, въ значительной части нашей страны, первобытныхъ способахъ хозяйства истощеніе почвы ведетъ за собою пониженіе урожайности, слѣдовательно, требуетъ повышенія потребительной нормы; между тѣмъ, въ виду непререкаемаго факта сгущенія населенія, его земельное обезпеченіе должно неизбѣжно сокращаться, а никакъ не можетъ возрастать.

Еще серьезнѣе другое. Всякія теоретически вычисляе-

мыя нормы исходятъ изъ современныхъ, сложившихся при быломъ земельномъ просторѣ способовъ хозяйства, требовавшихъ на единицу площади ничтожныхъ затратъ труда и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, дававшихъ лишь очень незначительный доходъ. Ясно, что онѣ должны быть очень велики. И онѣ, въ самомъ дѣлѣ, неосуществимо велики. О доведеніи крестьянскаго землевладѣнія до разсчитанныхъ на существующее хозяйство трудовыхъ нормъ не приходится и разговаривать: чтобы надѣлить крестьянство Европейской Россіи по такого рода нормамъ, пришлось бы увеличить общую площадь крестьянскаго землевладѣнія въ 4—5, а можетъ быть и больше разъ,—а это было бы невозможно сдѣлать, даже если бы цѣликомъ использовать для надѣленія крестьянъ все пространство Европейской Россіи, включая не только сѣверные лѣса, но и архангельскія тундры. «Какъ ни несовершенны подсчеты о количествѣ земли, которыми можно располагать при аграрной реформѣ— писалъ 12 лѣтъ тому назадъ покойный А. И. Чупровъ, но они съ несомнѣнностью показываютъ одно: что удовлетвореніе потребности крестьянства въ землѣ по трудовой нормѣ превысило бы всѣ имѣющіеся въ Европейской Россіи запасы удобной земли». Едва ли есть фактическая возможность довести крестьянское землевладѣніе даже до такихъ потребительныхъ нормъ, которыя были бы разсчитаны на существующее хозяйство. Правильно или нѣтъ, но душевые высшіе надѣлы положеній 19 февраля 1861 года многими признаются недостаточными для покрытія насущнѣйшихъ потребностей крестьянской «души»; во всякомъ случаѣ они не выше, или немногимъ выше, потребительной нормы. А между тѣмъ, по моимъ приблизительнымъ подсчетамъ, сдѣланнымъ 12 лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, для настоящаго времени преуменьшеннымъ, надѣленіе всего крестьянства даже и въ такомъ размѣрѣ было-бы неосуществимо: по 44 губерніямъ, для которыхъ оказалось возможнымъ сдѣлать соотвѣтственныя вычисленія, крестьянамъ пришлось бы добавить около 73 милл. десятинъ. А весь запасъ земельныхъ угодій, который могъ бы быть использованъ для этой цѣли изъ владѣній казны, удѣла и

частныхъ владѣльцевъ, не превышалъ—уже въ то время—43 милл. десятинъ, а съ тѣхъ поръ, конечно, болѣе или менѣе замѣтно сократился. Остаются огромныя площади лѣсовъ. Но главная масса ихъ лежитъ на сѣверѣ и потому почти не можетъ идти въ расчетъ, въ средней же, а тѣмъ болѣе въ южной полосѣ нашей страны лѣсная площадь настолько незначительна, и сбереженіе лѣсовъ является такою насущною необходимостью, что объ использованіи для надѣленія крестьянъ сколько нибудь замѣтной доли лѣсной площади не можетъ быть и рѣчи.

Итакъ, даже при полномъ использованіи, для надѣленія крестьянъ, всѣхъ наличныхъ земельныхъ запасовъ страны,—иначе сказать, при совершенной ликвидаціи частнаго землевладѣнія и всѣхъ земельныхъ запасовъ государства, нельзя надѣяться надѣлить все наличное крестьянство даже въ такихъ сравнительно скромныхъ размѣрахъ, какъ высшіе надѣлы 1861 года, разсчитанные на наличное населеніе. Одно изъ двухъ: либо наличные земельные запасы распредѣлятся лишь между *извѣстною частью* крестьянъ,—либо *всѣ* получатъ явно недостаточныя добавки къ нынѣшнему своему землевладѣнію. Мимоходомъ отмѣчу еще одно обстоятельство; какъ ни прекрасны мечты о «соціализаціи» или «націонализаціи»—фактически едва ли есть возможность разсчитывать на справедливое распредѣленіе наличнаго земельнаго запаса, пропорціонально дѣйствительной степени испытываемой крестьянами, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныхъ группахъ крестьянства, земельной нужды. Могущіе быть использованными для надѣленія крестьянъ земельные запасы распредѣляются по территоріи страны внѣ всякаго соотвѣтствія съ пространственнымъ распредѣленіемъ наиболѣе малоземельной части крестьянства; во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ малоземельныхъ крестьянъ много, мѣстныхъ земельныхъ запасовъ не хватитъ, а значительные земельные запасы окажутся въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне сравнительно изобильно обезпечены землею. А между тѣмъ всякій, кто помнитъ заявленія крестьянъ въ первой Государственной Думѣ, кто реально представляетъ себѣ земельно-хозяйственную психологію крестьянина, не сможетъ закрыть

глаза передъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что при распредѣленіи земельныхъ запасовъ страны между крестьянами придется считаться не только со степенью земельной нужды отдѣльныхъ группъ крестьянства, но и съ весьма опредѣленными притязаніями крестьянъ каждой данной мѣстности на мѣстные земельные запасы.

Конечный выводъ изъ всего сказаннаго—абсолютная невозможность надѣлить все вообще нуждающееся въ землѣ крестьянство такимъ количествомъ земли, которое было бы достаточно при современныхъ, отжившихъ свой вѣкъ, способахъ эксплоатаціи земли. Эти способы—переложное хозяйство на югѣ и на востокѣ страны, трехполье безъ удобренія въ черноземномъ центрѣ, трехполье съ удобреніемъ въ нечерноземной полосѣ,—были хороши при населеніи вдвое, втрое болѣе рѣдкомъ. Современная густота населенія настоятельно требуетъ замѣны ихъ другими, дающими, на единицѣ площади, приложеніе значительно большему количеству труда и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, способными доставить, съ единицы площади, значительно большую массу продукта и значительно большій доходъ; слѣдовательно такими, при которыхъ данное населеніе могло бы найти полное приложеніе для своего труда и достигнуть полнаго удовлетворенія своихъ потребностей на значительно меньшей площади, нежели какая была бы достаточна для того и для другого при современныхъ, отжившихъ свой вѣкъ, способахъ веденія крестьянскаго хозяйства. Въ соотвѣтствіи съ этимъ выясняется и смыслъ того, что обычно называютъ малоземельемъ, земельною нуждою. Это—лишь для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ крестьянства, въ каждой данной мѣстности, абсолютное малоземелье—такая земельная нужда, которая не только ставитъ данную группу въ исключительно неблагопріятныя, по сравненію съ окружающею массою населенія, земельно-хозяйственныя условія, но исключаетъ самую возможность улучшенія существующихъ способовъ веденія хозяйства; которая, значитъ, можетъ быть устранена только увеличеніемъ площади землевладѣнія данной группы. Какъ правило, малоземелье является только относительнымъ; это—субъективное ощу-

щеніе кризиса сложившихся при извѣстной, небольшой степени густоты населенія и при извѣстной, значительной степени земельнаго простора способовъ эксплоатаціи земли; кризиса, который самъ собой минуетъ, когда изжившіе себя пріемы и способы хозяйства смѣнятся другими, соотвѣтствующими современной густотѣ населенія и данной степени земельнаго «утѣсненія».

II.

Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и интенсификація крестьянскаго хозяйства.

Изъ сказаннаго ясно, что роль практически мыслимыхъ—при данныхъ земельныхъ запасахъ страны—мѣръ къ увеличенію площади крестьянскаго землевладѣнія—одна при абсолютномъ и другая—при относительномъ малоземельѣ. При абсолютномъ малоземельѣ единственнымъ выходомъ, или точнѣе—необходимою предпосылкою всѣхъ дальнѣйшихъ мѣръ къ улучшенію положенія крестьянъ, является увеличеніе ихъ землевладѣнія, приблизительно, до среднихъ размѣровъ землевладѣнія лучше обезпеченныхъ землею группъ крестьянства данной мѣстности. При относительномъ малоземельѣ это—не выходъ изъ положенія. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вызванъ тотъ кризисъ существующихъ способовъ хозяйства, который ощущается въ видѣ относительнаго малоземелья? Въ переложной полосѣ суть дѣла въ томъ, что земля не успѣваетъ отдохнуть, а потому дошла до крайней степени истощенія; приблизительно въ томъ же суть дѣла въ полосѣ безнавознаго трехполья—надо переходить къ хозяйству съ удобреніемъ, а такой переходъ затрудняется болѣе или менѣе сплошною распашкою крестьянскихъ надѣловъ и обусловливаемымъ ею отсутствіемъ кормовъ; въ полосѣ навознаго трехполья не хватаетъ, опять-таки, кормовъ, чтобы обезпечить поля необходимымъ удобреніемъ. Чтобы сдѣлалось опять возможнымъ правильное залежное хозяйство, обезпечивающее почвѣ полный отдыхъ, и, слѣдовательно, предотвращающее ея истощеніе, необходимо было бы вернуть населеніе нашего юга и юго-востока

къ такой степени простора, какая сейчасъ сохранилась развѣ только въ немногихъ мѣстностяхъ Сибири и Степного края, — увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія, гдѣ въ 3, гдѣ въ 4, гдѣ въ 5 разъ. Чтобы навозное трехполье обезпечивало населенію удовлетворительные урожаи съ такой, притомъ, площади, которая соотвѣтствовала бы современной численности населенія, необходимо было бы довести сѣнокосную площадь до отношенія къ пахотной: гдѣ 1 : 1, гдѣ 1½ : 1, гдѣ 2 : 1. Но соотвѣтственнаго количества естественныхъ покосовъ не существуетъ въ природѣ, — нѣтъ въ природѣ и такого количества земли, которое позволило бы увеличить крестьянское землевладѣніе въ переложной полосѣ въ 3 или въ 5 разъ. Нельзя разрѣдить населеніе до соотвѣтственной степени земельнаго простора и путемъ переселенія—для этого пришлось бы переселить десятки милліоновъ человѣкъ; между тѣмъ, фактически переселеніе, даже въ годы своего наибольшаго развитія, немногимъ превышало полмилліона душъ,—слѣдовательно, не только не способно было разрѣдить населеніе Европейской Россіи, но далеко не уносило даже годового прироста. И даже этой—сравнительно тоже еще очень незначительной степени развитія переселеніе могло достигнуть лишь благодаря тому, что самодержавное правительство весьма мало считалось съ законнѣйшими правами и насущнѣйшими интересами не только «халатниковъ»—киргизъ, бурятъ и иныхъ зауральскихъ туземцевъ, но и русскаго, старожилаго населенія Сибири; а такое отношеніе, конечно, не будетъ возможно въ свободной странѣ, признавшей равноправіе національностей. Если же будетъ сдѣлано то, что только и мыслимо практически: если площадь землевладѣнія крестьянъ увеличится на четверть или, скажемъ, на половину; если даже она, въ лучшемъ случаѣ, удвоится; если удастся путемъ дополнительнаго надѣленія нѣсколько повысить отношеніе сѣнокосной площади къ пахотной,—это будетъ значить: вернуть крестьянъ, приблизительно, къ той степени обезпеченности землею, какая существовала 25—30 лѣтъ тому назадъ, — т. е. какъ разъ въ то время, когда кризисъ крестьянскаго благосостоянія проявился съ осо-

бенною рѣзкостью; это, другими словами, значитъ только затянуть кризисъ, оттянуть моментъ его окончательнаго разрѣшенія. Какъ ни широко—въ практически мыслимыхъ предѣлахъ—будетъ поведено дѣло расширенія крестьянскаго землевладѣнія, дѣйствительный выходъ изъ кризиса русскаго крестьянскаго хозяйства только и исключительно въ техническомъ и экономическомъ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія, и прежде всего—въ его интенсификаціи: надо, чтобы «два колоса росли тамъ, гдѣ сейчасъ растетъ одинъ» (А. И. Чупровъ),—чтобы каждая данная площадь крестьянской земли давала вдвое, или болѣе чѣмъ вдвое, большій урожай, нежели она даетъ сейчасъ, и соотвѣтственно большій доходъ. Въ этомъ направленіи, въ самомъ дѣлѣ, можно, но и нужно сдѣлать очень много. Вѣдь средній урожай пшеницы у насъ—какихъ-нибудь 45 пудовъ. Между тѣмъ, средній урожай той же пшеницы въ Германіи 140, въ Англіи 150, въ Бельгіи 165 пудовъ,—даже въ Швеціи, съ ея суровымъ климатомъ, 145 пудовъ; и въ то время, какъ у насъ крестьянскіе урожаи замѣтно ниже, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ, на западѣ, напротивъ, крестьяне достигаютъ болѣе высокихъ урожаевъ. И у насъ, въ Россіи, нѣтъ непреодолимыхъ природныхъ препятствій къ тому, чтобы довести производительность земли до того же уровня, какой достигнутъ на западѣ,—все дѣло въ крайней отсталости нашей земледѣльческой культуры, а поскольку рѣчь идетъ о крестьянскихъ массахъ—еще и въ томъ, что среди крестьянства еще слишкомъ жива память о быломъ просторѣ, что крестьянина слишкомъ еще манятъ сибирскія земли, о пространствѣ и добротѣ которыхъ онъ имѣетъ самое преувеличенное представленіе,—что онъ слишкомъ полонъ мечтами о «прирѣзкѣ». Конечнымъ стимуломъ земледѣльческаго прогресса является сгущеніе населенія,—въ этомъ положеніи я схожусь съ такимъ виднымъ представителемъ соціалъ-демократической мысли, какъ П. П. Масловъ, съ такимъ виднымъ представителемъ агрономическаго обществовѣдѣнія, какъ А. Н. Челинцевъ; сгущеніе населенія и его необходимый спутникъ, земельная нужда, не оставляющая населенію никакого другого исхода, какъ интенсифи-

цировать хозяйство. Если стать на эту точку зрѣнія, то придется признать, что—поскольку малоземелье является не абсолютнымъ, а относительнымъ—расшириніе землевладѣнія крестьянъ будетъ не полезно, а скорѣе вредно, потому что оно на нѣкоторое время ослабитъ дѣйствіе основного стимула, толкающаго по пути земледѣльческаго прогресса. Я лично глубоко убѣжденъ, что это такъ. Можетъ быть, я въ этомъ пунктѣ ошибаюсь,—но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что расшириніе крестьянскаго землевладѣнія, въ практически-осуществимыхъ предѣлахъ, даже въ лучшемъ случаѣ не радикальное леченіе, а только болѣе или менѣе жалкій, кратковременно дѣйствующій палліативъ. Радикальное леченіе—только въ подъемѣ сельскохозяйственной культуры.

Значитъ, какъ бы ни разрѣшился аграрный вопросъ — пусть даже онъ разрѣшится въ смыслѣ формулы «вся земля всему народу», и пусть даже эта формула будетъ проведена въ жизнь съ максимальною степенью справедливости и уравнительности,—все таки первою и насущною задачею остается подъемъ земледѣльческой культуры. Какъ она низка—это ясно изъ приведенныхъ выше цифръ русскихъ урожаевъ по сравненію съ западно-европейскими. Да нѣтъ надобности прибѣгать къ сравненіямъ съ западомъ, когда приходится констатировать фактъ, еще болѣе обидный, можетъ быть, для русскаго національнаго самолюбія: ту необыкновенную хозяйственную безпомощность, то неимовѣрное хищничество, которыя такъ ярко обнаруживаются въ хозяйственныхъ порядкахъ крестьянъ-переселенцевъ въ областяхъ новой колонизаціи. Вотъ картина, которую я заимствую у наблюдателя, воочію видѣвшаго первые шаги русской колонизаціи тургайскихъ степей: «въ 80-хъ г.г. вблизи укрѣпленія Актюбе выросъ обширный переселенческій поселокъ; на каждый дворъ давали по 30 дес. отличной земли; кажется, можно было хозяйничать. Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ вольготнымъ положеніемъ»: черезъ 8 лѣтъ тому-же наблюдателю «лично пришлось принимать участіе въ перемѣнѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малоземелье, причемъ девять десятыхъ оказа-

лись, дѣйствительно, никуда негодною выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванія, 3—4 года подъ рядъ, одной пшеницы. Мало того—на 30—40 верстъ кругомъ всюду распаханы киргизскія степи; лѣса и талъ»—эта величайшая драгоцѣнность въ безлѣсной степи — «вырублены, луга и камыши выкошены» и вытоптаны до тла, «а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела; тогда послѣдній проникъ внутрь степи на правахъ арендатора и снова принялся за свое хищничество». И я сколько угодно видѣлъ такихъ печальныхъ картинъ; видѣлъ превосходныя ковыльныя степи, въ немного лѣтъ превращенныя въ безплодную пустыню; надѣленные 15-ю десятинами на душу, или, въ среднемъ, около 50 дес. на хозяйство, такихъ превосходныхъ ковыльныхъ степей, переселенцы чрезъ какихъ нибудь 5 или 10 лѣтъ начинали слезно молить о «прирѣзкѣ» или объ обмѣнѣ отведеннаго участка: «земли мало», «земля жидка»... Еще болѣе обидныя картины приходится наблюдать, гдѣ русскіе переселенцы водворяются рядомъ съ болѣе культурными туземными племенами. Въ Туркестанѣ туземцы издавна ведутъ поливное хозяйство, при благодатномъ климатѣ позволяющее снимать въ годъ по два урожая; центромъ тяжести ихъ земледѣлія являются такія цѣнныя и доходныя культуры, какъ хлопокъ, виноградъ; въ перемѣшку съ хлѣбами сѣются трава—люцерна и пропашныя растенія, обезпечивающія правильный плодосмѣнъ; туземецъ, при такомъ хозяйствѣ, благоденствуетъ на 3—4 десятинахъ. Переселенцы получаютъ по 20—30 дес. на хозяйство; но они плохо приспособляются къ поливу, а то и вовсе забрасываютъ арыки; они сѣютъ все ту-же привычную пшеничку,—не удивительно, что имъ на ихъ 20—30 десятинахъ «тѣсно»; спустя немного лѣтъ они начинаютъ арендовать направо и налѣво, хлопочутъ о прирѣзкахъ, сплошь и рядомъ бѣгутъ—опять на новыя, просторныя мѣста. Въ Приамурьѣ переселенцы водворяются, нерѣдко, на земляхъ, гдѣ раньше хозяйничали китайцы, или въ перемежку съ корейскими деревнями. Китайцы и корейцы ведутъ или вели хозяйство, превосходно приспособленное къ

своеобразному мѣстному климату — грядковая культура съ рядовымъ посѣвомъ, плодосмѣнъ въ подборѣ растеній,—и ихъ упорный трудъ увѣнчивается благопріятными результатами. Крестьяне-переселенцы и здѣсь хозяйствуютъ «по-россійски»—пашутъ широкими загонами, сѣютъ все ту же пшеничку, и чрезъ немного лѣтъ имъ, сплошь и рядомъ, приходится забрасывать свои поля изъ-за сорныхъ травъ и «пьянаго хлѣба». Вотъ эта-то рутинность и хозяйственная безпомощность, это неумѣнье приспособиться къ инымъ условіямъ, нежели въ какихъ сложились вѣковыя хозяйственныя привычки русскаго крестьянина,—они и держатъ русское крестьянское хозяйство въ состояніи хроническаго кризиса, и выходъ изъ этого кризиса—т о л ь к о въ повышеніи уровня земледѣльческой культуры.

Многимъ только что сказанное покажется страннымъ, даже дикимъ; въ русскомъ обществѣ очень сильна еще вѣра въ исключительныя земледѣльческія способности русскаго мужика, въ исключельное умѣнье его оріентироваться въ какихъ угодно своеобразныхъ условіяхъ и къ нимъ приспособляться. Самъ же крестьянинъ, напротивъ, проникнутъ глубокимъ убѣжденіемъ, что всѣ эти «культуры»—барское дѣло, а не крестьянское, что крестьянину нужна земля. И это убѣжденіе въ теченіе ряда десятилѣтій усиленно культивировалось и поддерживалось нашею интеллигенціей, которая на всѣ лады доказывала, что никакой земледѣльческій прогрессъ невозможенъ, пока у крестьянина мало земли, пока крестьянинъ неграмотенъ, пока свобода его личной самодѣятельности подавлена нашимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ: только тогда, когда будетъ удовлетворена земельная нужда, когда повысится умственно уровень крестьянина, когда его личность будетъ освобождена отъ связывающихъ ее путъ,—только тогда можно, въ самомъ дѣлѣ, надѣяться на повышеніе уровня крестьянскаго земледѣлія. И особенно громко начинаютъ звучать такого рода ноты въ эпохи остраго, общественно-политическаго подъема, когда все общественное вниманіе поглощается громкими лозунгами, въ родѣ: «вся земля всему народу». Мы не такъ давно, въ 1905—6 гг., пережили подобную эпоху,

и помнимъ тѣ крестьянскія рѣчи, которыя раздавались въ первой и второй Государственной Думѣ, когда кто-нибудь заикался о томъ, что нужна не только земля, но и лучшее хозяйство: «какая тамъ улучшенная культура, восклицали депутаты-крестьяне, когда земли нѣтъ»; «культура—дѣло барское»; «посадить-бы барина на дарственный надѣлъ—посмотрѣли-бы, какую онъ завелъ-бы культуру». Приблизительно такъ-же разсуждала въ то время и прогрессивная интеллигенція: «агрикультурный прогрессъ,—читаемъ мы, напр., въ проектѣ резолюціи засѣдавшаго весною 1905 г. аграрнаго съѣзда,—встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ крестьянскомъ малоземельѣ, устраненіе котораго и должно быть ближайшею цѣлью поземельной политики». Или у М. И. Туганъ-Барановскаго, въ его брошюрѣ «Земельный вопросъ»: «безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ надо прежде всего получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки». Не хотѣли подумать о томъ, что вѣдь не всѣ же крестьяне «неземельные и малоземельные», не всѣ на дарственномъ надѣлѣ, и что должны же быть какіе-нибудь элементы въ крестьянской средѣ, у которыхъ агрикультурный прогрессъ не встрѣтилъ бы «непреодолимаго препятствія въ малоземельѣ»...

Между тѣмъ, фактически крестьянское хозяйство даже и въ эпоху тяжелаго кризиса не совсѣмъ стояло на мѣстѣ. Средній урожай съ крестьянскихъ земель, въ среднихъ по десятилѣтіямъ, начиная съ 1861 по 1910 годъ, цифрахъ, выразился 29—31—34—39—43 пудами, — урожай пятаго десятилѣтія превышаетъ урожай за первое, какъ никакъ, на 48%, или почти въ полтора раза. Площадь, занятая посѣвными травами, въ 1881 г. не превышала у крестьянъ 50 тыс. десятинъ; въ 1901 г. она опредѣлялась въ 355 тыс. дес., въ 1916 г. она достигла, по даннымъ сельскохозяйственной переписи, 1.232 тыс. дес. Конечно, это лишь первые проблески, первые зачатки необходимаго сельскохозяйственнаго прогресса, — но все-таки проблески, все-таки зачатки, а не полная неподвижность.

Уже и это, немногое, что достигнуто, въ особенности въ области травосѣянія, улучшенныхъ орудій, искусствен-

ныхъ удобреній и т. п., есть въ значительной мѣрѣ результатъ государственнаго и земскаго воздѣйствія, плодъ дѣятельности общественной и, прежде всего, земской агрономіи. Но мало достигнуто, въ значительной мѣрѣ, именно потому, что общественная агрономія была еще недавно чрезвычайно слабо развита. Правительство безконечно мало заботилось о крестьянскомъ хозяйствѣ; земство концентрировало свое вниманіе на другихъ сторонахъ мѣстнаго благоустройства и мѣстнаго хозяйства. Рѣзкій поворотъ въ благопріятную для общественной агрономіи сторону обнаружился начиная съ 1907—8 г.г.: правительство взялось за улучшеніе крестьянскаго хозяйства, въ значительной мѣрѣ, въ противовѣсъ аграрнымъ мечтаніямъ; въ повышенномъ интересѣ къ культурѣ прогрессивныхъ общественныхъ силъ и самого крестьянства нѣкоторую роль сыграло, можетъ быть, крушеніе надеждъ на скорое проведеніе аграрной реформы. Какъ никакъ—съ этого момента начинается быстрый ростъ агрономической помощи населенію. Смѣта департамента земледѣлія съ 4 милліоновъ въ 1907 году возрастаетъ въ 1912 г. до 21 милліона; правительственный агрономическій персоналъ въ 1906 г. насчитывалъ—на всю Россію!—55, къ 1913 г. онъ достигъ 1.400 человѣкъ. Земскія смѣты на агрономическую помощь составляли по 34 губерніямъ: въ 1895 г. 900 тыс., въ 1905 г. 4 милліона, въ 1912 г., 13 милліоновъ; оборотные кредиты, въ тѣ же три момента, составляли 700 тыс., 9½ милліоновъ, 20 милліоновъ рублей. Только въ 1906 году былъ положенъ починъ участковой агрономіи—той, сравнительно близкой къ населенію, организаціи агрономической помощи, при которой отъ нея только и можно ожидать реальныхъ результатовъ; такая организація была введена въ этомъ году въ двухъ уѣздахъ,—къ 1913 году она существовала уже въ 388 уѣздахъ...

Колоссальные успѣхи сдѣланы за тотъ же періодъ и въ другомъ направленіи. Для прогресса крестьянскаго земледѣлія требуется не только техническое руководительство, но и экономическая возможность. Уже и техническое руководительство въ значительной степени облегчается извѣстными формами кооперація; въ созданіи необходимой

экономической обстановки кооперативнымъ формамъ принадлежитъ господствующая роль,—широкое развитіе кооперацiи одно только способно доставить крестьянскому хозяйству значительную долю преимуществъ, присущихъ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ. И вотъ, число сельскохозяйственныхъ обществъ, въ концѣ 90-хъ г.г. не превышавшее 270, уже къ 1912 году достигаетъ четырехъ тысячъ; въ подавляющемъ большинствѣ это—общества малаго района, обслуживающія болѣе или менѣе исключительно крестьянское хозяйство; сельскохозяйственныхъ товариществъ въ 1900 году было всего 50, въ 1913 году 900; число кредитныхъ товариществъ за время съ 1903 по 1913 годъ возросло съ 400 до восьми тысячъ,—между тѣмъ товарищества этого типа не только улучшаютъ общую экономическую обстановку крестьянскаго хозяйства, но многія изъ нихъ принимаютъ и непосредственное участіе въ агрикультурно-хозяйственной работѣ.

За послѣднее время, значитъ, въ самомъ дѣлѣ много сдѣлано для развитія агрономической помощи, разумѣемой въ широкомъ смыслѣ слова. Но много ли значитъ то, что достигнуто, по сравненію съ необъятнымъ пространствомъ нашей страны и съ насущною, неотложною необходимостью подъема крестьянскаго земледѣлія!.. И вотъ—какъ бы, сколь бы широко, ни разрѣшился «аграрный вопросъ», дальнѣйшее широкое развитіе агрономической помощи, широкое развитіе сельскохозяйственной кооперацiи и какъ результатъ — рѣшительное повышеніе техники и улучшеніе экономики крестьянскаго хозяйства, — вотъ то, что необходимо, чтобы подвести прочный фундаментъ подъ благосостояніе нашихъ народныхъ массъ. Предъ тѣмъ, что можетъ дать, въ свободномъ государствѣ, упорная и послѣдовательная работа въ этомъ направленіи, меркнетъ все, что можетъ дать реально мыслимое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.

III.

«Вся земля всему народу». Крупнопомѣстное и мелкое крестьянское владѣніе.

Перехожу теперь къ другой сторонѣ «аграрнаго вопроса»— той, которая связывается съ лозунгомъ «вся земля всему народу».

Мнѣ кажется нелишнимъ, прежде всего, нѣсколько конкретизировать вопросъ, совлечь съ приведеннаго только что лозунга и ему подобныхъ едва-ли подобающую имъ, по существу, интеллигентскую идеалистическую оболочку. Реальный смыслъ этихъ лозунговъ, конечно, уже: «вся земля—крестьянамъ». И для крестьянъ важна, конечно, не соціализація или націонализація земли, а важно расширеніе крестьянскаго землевладѣнія за счетъ всѣхъ тѣхъ категорій земель, которыя нынѣ не находятся въ обладаніи крестьянъ. Я не хочу сказать ничего дурного о крестьянахъ: крестьяне не хуже насъ— но и не лучше; они такіе-же люди. За исключеніемъ, можетъ быть, немногихъ избранныхъ, они думаютъ не о соціальной справедливости, а о себѣ и о своихъ интересахъ. Крестьяне подпишутся подъ какими угодно лозунгами, будетъ-ли то націонализація, соціализація или муниципализація; но многоземельный крестьянинъ или крестьянскій міръ не отдастъ безъ жестокой борьбы ни пяди *своей* земли, какъ бы она ни была нужна другому, малоземельному крестьянину или крестьянскому міру; мало того—крестьяне каждой данной мѣстности безъ борьбы не откажутся отъ своихъ притязаній на мѣстные земельные запасы, какъ бы эти земельные запасы ни были нужны для гораздо болѣе, можетъ быть, нуждающихся въ землѣ иномѣстныхъ крестьянъ. И землю помѣщиковъ или удѣла крестьяне требуютъ для себя, а не для какого то отвлеченнаго «крестьянства».

Я, конечно, все это говорю не для удовольствія разсѣять чьи-то иллюзіи. Мнѣ представляется, что сказанное только что имѣетъ важное *практическое* значеніе. Это значитъ не только, что не можетъ быть сейчасъ поднято и вопроса о какомъ-либо уравненіи земли между крестьянами, или о

сокращеніи надѣловъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Сибири, въ пользу малоземельныхъ, но значитъ еще, что крестьяне мѣстностей, гдѣ много казенныхъ или помѣщичьихъ земель, не пустятъ на эти земли, безъ самаго жестокаго сопротивленія, малоземельныхъ иногубернскихъ или даже иноуѣздныхъ крестьянъ, хотя бы они сами и свободно могли обойтись безъ прирѣзки, и что съ этими мѣстными притязаніями придется считаться, пожалуй, больше, чѣмъ съ соображеніями уравнительной справедливости. Это значитъ и еще другое: что какіе бы ни были провозглашены лозунги—націонализація, земельный фондъ, соціализація, земельная реформа будетъ произведена только одинъ разъ,—однажды навсегда: тѣ, кто теперь получатъ землю, никогда и никому ее уже не отдадутъ, и никакого новаго уравнительнаго перераспредѣленія земли никогда больше не будетъ—никогда, пока люди не станутъ другіе люди, а крестьяне—другіе крестьяне.

Итакъ: лозунгъ «вся земля всему народу» практически сводится къ передачѣ крестьянамъ государственныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель. Удѣльныя земли нынѣ уже причислены къ государственнымъ. Передача крестьянамъ государственныхъ земель не встрѣчаетъ никакихъ принципіальныхъ трудностей. Вопросъ лишь о практической широтѣ и практическомъ значеніи такой передачи. Земельныя угодья казны, такъ называемыя оброчныя статьи, занимаютъ около четырехъ, бывшія удѣльныя около двухъ милліоновъ десятинъ,—цифры совершенно ничтожныя по сравненію съ огромностью крестьянскаго спроса на землю; притомъ главная масса этихъ земельныхъ угодій сосредоточена въ одной области—въ юго-восточныхъ губерніяхъ. Во владѣніи казны состоятъ, затѣмъ, громадныя пространства лѣсовъ, изъ которыхъ, какъ слѣдуетъ думать, удастся выдѣлить нѣсколько (не много!) милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій—главнымъ образомъ на сѣверѣ Европейской Россіи. Поскольку, затѣмъ, остальная площадь государственныхъ и бывшихъ удѣльныхъ лѣсовъ расположена на рѣдко-населенномъ сѣверѣ, она не представляетъ, съ точки зрѣнія удовлетворенія земельной нужды крестьянъ, почти никакого интереса—мало-

земельные юга и центра туда не пойдутъ. Сравнительно небольшія пространства государственныхъ лѣсовъ въ средней и особенно въ южной части страны, за исключеніемъ, можетъ быть, ничтожныхъ клочковъ, должны быть сохранены во что-бы то ни стало,—слѣдовательно они уже и вовсе не могутъ идти въ разсчетъ для надѣленія землею.

Центръ тяжести вопроса лежитъ, значитъ, въ частно-владѣльческихъ земляхъ. Не считая даже лѣсовъ, онѣ составляютъ нѣсколько десятковъ—около 50 милліоновъ десятинъ, и главная ихъ масса расположена какъ разъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточивается главная масса нуждающагося въ землѣ крестьянства.

Съ точки зрѣнія соціальной справедливости вопросъ до кристальности ясенъ. Никакими ухищреніями нельзя съ малѣйшею долею убѣдительности доказать—какъ это доказываютъ для движимаго капитала, что въ основѣ крупно-помѣстнаго владѣнія лежатъ трудъ и бережливость. Не подлежитъ никакому сомнѣнію и оспариванію, что историческіе корни его—въ явномъ, либо болѣе или менѣе прикрытомъ, насильственномъ или юридически оформленномъ, политическомъ захватѣ; что помѣстное землевладѣніе, какъ таковое, представляетъ собой пережитокъ отъ феодально-крѣпостнической эпохи.

Не такъ просто стоитъ вопросъ съ точки зрѣнія хозяйственной цѣлесообразности. Выгодно-ли—спрашивается—съ народно-хозяйственной точки зрѣнія уничтоженіе крупно-помѣстнаго землевладѣнія и съ нимъ—крупно-капиталистическаго земледѣлія? Невыгодно-ли, напротивъ, существованіе послѣдняго, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, а, можетъ быть—и самого трудового населенія: не выгодно ли оно, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени и для нѣкотораго ближайшаго будущаго? Вѣдь и въ основѣ промышленнаго, и тѣмъ болѣе денежнаго, капитализма лежитъ глубокая соціальная несправедливость; и здѣсь «первоначальное накопленіе» (Марксъ) зиждилось, въ значительной мѣрѣ, на насиліи и политическомъ угнетеніи. И тѣмъ не менѣе самые послѣдовательные соціалисты не думаютъ о простомъ уничтоженіи капитали-

стическаго производства, о простомъ раздѣлѣ капиталистическихъ предпріятій, и лишь самые крайніе изъ максималистовъ допускаютъ, вообще, возможность немедленнаго прыжка «изъ царства необходимости въ царство свободы».

Такимъ образомъ, мы отъ принципіальнаго лозунга «вся земля всему народу» приходимъ къ чисто-практическому вопросу: оправдывается ли существованіе крупно-помѣстнаго землевладѣнія и крупно-капиталистическаго земледѣлія съ точки зрѣнія хозяйственной цѣлесообразности; а отсюда—къ болѣе широкому вопросу о взаимоотношеніи крупно-капиталистическаго и трудового крестьянскаго хозяйства.

Я не буду далеко забираться въ исторію этого вопроса. Напомню только, что уже, примѣрно, въ первой трети 19 вѣка вполнѣ выработалась вся та длинная серія аргументовъ какъ техническаго, такъ и соціально-экономическаго характера, съ какими и сейчасъ выступаютъ сторонники мелкаго и защитники крупнаго хозяйства въ агрономической и въ экономической литературѣ буржуазнаго и феодальнаго оттѣнковъ, и, какъ нѣкоторая равнодѣйствующая того и другого теченія, съ теченіемъ времени выработалась теорія гармоническаго распредѣленія сельскохозяйственной территоріи между владѣніями и хозяйствами разныхъ типовъ—мелкими, средними и крупными, причемъ, по мнѣнію представителей этой теоріи, каждый изъ этихъ типовъ играетъ свою особую, существенную роль въ народно-хозяйственномъ организмѣ (фонъ-деръ-Гольцъ, Шишкинъ).

На иную почву—рѣзкаго антагонизма между крупно-капиталистическимъ владѣніемъ и хозяйствомъ, съ одной стороны, и мелко-крестьянскимъ, трудовымъ, съ другой—вопросъ становится у представителей соціалистическихъ теченій.

Одна изъ двухъ, діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія, соціалъ-демократическая, съ полною опредѣленностью формулирована Марксомъ, въ 3-мъ томѣ «Капитала». Взглядъ Маркса на будущее мелкой или, какъ онъ ее называетъ, «парцельной» собственности безнадеженъ. «Парцельная собственность по своей природѣ исключаетъ

развитіе общественныхъ производительныхъ силъ труда, общественную концентрацію капиталовъ, скотоводство въ крупномъ масштабѣ, прогрессирующее примѣненіе науки». Мелкая земельная собственность—лишь нѣкоторая переходная форма; она неизбѣжно должна погибнуть отъ цѣлаго ряда причинъ, изъ которыхъ я отмѣчу: «уничтоженіе сельской домашней индустріи, какъ слѣдствіе развитія крупной индустріи; постепенное истощеніе и обѣдненіе почвы, конкуренцію крупной культуры; улучшенія въ сельскохозяйственной техникѣ, требующія бо́льшихъ издержекъ и болѣе обильныхъ вещественныхъ средствъ производства». Крестьянское хозяйство, по Марксу, «самое рутинное и нераціональное»; мелкая собственность превратила крестьянъ въ «классъ варваровъ», гдѣ «соединяется вся грубость первобытныхъ общественныхъ формъ со всѣми мученіями и всѣми бѣдствіями цивилизованныхъ странъ».

Идея неизбѣжной гибели мелкаго землевладѣнія и хозяйства послѣдовательно проводится во всей партійной соціалъ-демократической литературѣ и во всѣхъ партійныхъ заявленіяхъ. «Даже тамъ—писалъ, напр., Либкнехтъ-старшій, гдѣ еще сохранился классъ сравнительно обезпеченнаго крестьянства,—даже тамъ оно обречено на гибель»,—«смертный приговоръ надъ нимъ уже подписанъ, и съ помощью палліативныхъ средствъ можно добиться лишь продленія его агоніи». Неизбѣжною объявляется гибель крестьянскаго землевладѣнія и въ Эрфуртской программѣ германской соціалъ-демократіи. Въ самомъ официальномъ текстѣ программы вопросъ о судьбѣ мелкихъ формъ земледѣльческаго производства трактуется, просто, подъ одною скобкой съ вопросомъ о судьбѣ ихъ въ индустріи, причемъ признается безусловно установленнымъ, что «экономическое развитіе буржуазнаго общества съ необходимостью закона природы приводитъ къ гибели мелкаго производства, основою котораго является частная собственность рабочаго на средства производства. Экономическое развитіе превращаетъ рабочаго въ неимущаго пролетарія, а средства производства становятся монополіею сравнительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ». И нѣсколько

дальше: «наряду съ процессомъ монополизаціи средствъ производства происходитъ вытѣсненіе мелкаго раздробленнаго производства крупнымъ, развитіе инструмента въ машину и гигантскій ростъ производительности человѣческаго труда», причемъ однако «всѣ выгоды этого преобразованія монополизируются капиталистами и крупными землевладѣльцами». Въ оффиціальномъ текстѣ программы—подчеркну еще разъ—вопросу собственно о мелкомъ земледѣліи не удѣлено особаго мѣста, и только двукратное упоминаніе о «крупныхъ землевладѣльцахъ» свидѣтельствуетъ о томъ, что приведенныя заявленія имѣютъ въ виду, одинаково, и индустрію, и земледѣліе. И тутъ, и тамъ выходъ усматривается единственно въ обращеніи частной собственности на орудія производства, въ томъ числѣ и на землю, въ общественную собственность, и соціализація самого производства. При существующемъ строѣ выхода для крестьянина изъ его бѣдственнаго положенія нѣтъ. Какъ подчеркиваетъ Каутскій въ извѣстномъ оффиціозномъ или даже оффиціальномъ комментаріи къ программѣ, земельная собственность крестьянина—«не защита отъ нищеты, а цѣпь, приковывающая къ нищетѣ, не благословеніе, а проклятіе»; дальнѣйшее существованіе мелкаго хозяйства ведетъ къ такому вырожденію (иначе я не умѣю перевести «Verkommenheit») крестьянства, что было бы грѣшно задерживать его гибель, даже если бы это было возможно». И въ своей не менѣе извѣстной книгѣ «Аграрный вопросъ» Каутскій, хотя и признаетъ существованіе нѣкоторыхъ особенностей сельскохозяйственнаго производства по сравненію съ индустріей, тѣмъ не менѣе самымъ категорическимъ образомъ подчеркиваетъ такія преимущества крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія, какъ «меньшія потери культурной площади, сбереженіе на живомъ и мертвомъ инвентарѣ, болѣе полное его использованіе, возможность примѣненія машинъ» — сторона вопроса, которой Каутскій удѣляетъ особенное вниманіе—«раздѣленіе труда, научно-поставленное руководство, превосходство въ добываніи денегъ», и не менѣе рѣшительно отвергаетъ или отводитъ доводы защитниковъ мелко-крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства:

хваленое собственническое трудолюбіе и тщательность работы крестьянина сводится, по Каутскому, къ перенапряженію какъ собственнаго труда крестьянина-хозяина, такъ и въ особенности его дѣтей, и это перенапряженіе, будучи слѣдствіемъ технической отсталости мелкаго сельскохозяйственнаго производства, является, въ тоже время, и причиною, задерживающею его техническій прогрессъ; выгоды ассоціаціи—но и онѣ, для мелкаго хозяйства, не способъ сравняться съ крупнымъ, а лишь средство урвать нѣкоторую частицу присущихъ ему выгодъ.

Въ серединѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ средѣ германской (равно какъ и французской) соціалъ-демократіи возникаютъ, правда, нѣкоторыя сомнѣнія въ правильности усвоенной ею точки зрѣнія на положеніе и на возможную будущность мелко-крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Сомнѣнія эти вытекали изъ двоякаго рода обстоятельствъ. Съ одной стороны, трудно было дольше закрывать глаза передъ фактами, главнымъ образомъ, южно-германской дѣйствительности: мелкое хозяйство въ южной Германіи не только не желало гибнуть, но, наоборотъ, обнаруживало несомнѣнные признаки живучести и процвѣтанія. Съ другой стороны, выступали мотивы партійной политики. Партіи, естественно, нужны были крестьянскіе голоса, а идти къ крестьянамъ съ программой, которая не обѣщала имъ ничего, кромѣ обнищанія, въ ближайшемъ будущемъ и обобществленія земли въ болѣе отдаленномъ, значило идти на вѣрный неуспѣхъ. И вотъ, на партейтагѣ 1894 года два видныхъ представителя южно-германской соціалъ-демократіи—Фольмаръ и Шенланкъ, выступаютъ съ проектомъ резолюціи, обѣщающей крестьянамъ защиту ихъ интересовъ не только какъ плательщиковъ налоговъ и какъ жертвъ ипотечной и иной задолженности (это было-бы вполнѣ совмѣстимо и съ ортодоксальною соціалъ-демократическою программой), но и какъ сельскихъ хозяевъ, и проведеніе мѣръ къ облегченію имъ веденія хозяйства; въ мотивахъ къ этой резолюціи авторы ея констатируютъ, что ходъ сельско-хозяйственнаго развитія фактически иной, нежели это раньше предсказывалось соціалъ-демократиче-

скою доктриною; что, въ частности, предсказывавшееся быстрое поглощеніе мелкаго земледѣлія крупнымъ не имѣетъ, фактически, мѣста; подчеркивалась далеко меньшая роль машины въ сельскомъ хозяйствѣ, въ частности высказывалось разочарованіе въ паровомъ плугѣ, которому ортодоксальное ученіе приписывало революціонизирующую роль; въ конечномъ выводѣ констатировалось, что «крупное хозяйство вовсе не оказалось столь непобѣдимымъ конкурентомъ» мелкому, несмотря на всѣ представляемыя ему государственною властью привилегіи. Партейтагъ учредилъ спеціальную комиссію для болѣе обстоятельной разработки вопроса; комиссія эта, разбившаяся на три районныхъ подкомиссіи, выработала рядъ предложеній, направленныхъ къ поддержанію мелкаго трудового хозяйства, изъ которыхъ слѣдуетъ особенно отмѣтить сдачу государственныхъ и общинныхъ земель въ аренду товариществамъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ или мелкихъ крестьянъ, или даже просто—поскольку то и другое окажется неосуществимымъ—сдачу ихъ единичнымъ трудовымъ хозяевамъ (Selbstbewirtschafter) подъ контролемъ государства и общинъ. Противъ этихъ предложеній поднялась рѣзкая агитація, ставшая на почву принципіальнаго антагонизма между крестьянствомъ и рабочимъ классомъ, при наличности котораго привлеченіе крестьянъ въ партію было бы прямо нежелательно. Этотъ взглядъ рѣшительно возобладалъ. Шедшія навстрѣчу крестьянамъ предложенія комиссіи были отвергнуты, въ 1895 году, Бреславльскимъ партейтагомъ, и принята была резолюція въ прежнемъ, ортодоксальномъ духѣ, что однако не помѣшало партейтагу признать, что «сельское хозяйство управляется особыми, отличными отъ промышленности, законами», съ которыми соціалъ-демократія должна считаться, если она хочетъ плодотворно работать въ деревнѣ.

Партія и сейчасъ стоитъ на той-же, ортодоксальной точкѣ зрѣнія. Еще въ 1903 году Бебель въ носящей оффиціозно-партійный штемпель, извѣстной своей книгѣ «Женщина въ соціализмѣ» категорически утверждалъ, что «прогрессъ человѣчества настоятельно требуетъ исчезнове-

нія» крестьянства и крестьянскаго хозяйства. Но въ экономической мысли соціалъ-демократіи начавшееся движеніе не заглохло, и вопросъ о мелкомъ земледѣліи сталъ однимъ изъ основныхъ элементовъ соціалъ-демократическаго ревизіонизма. Наиболѣе яркимъ представителемъ послѣдняго является, конечно, Давидъ—его обширный трудъ сталъ, въ нѣкоторомъ родѣ, евангеліемъ, изъ котораго обильно черпаютъ всѣ послѣдующіе защитники крестьянскаго трудового хозяйства. Основная сущность его аргументаціи сводится, какъ извѣстно, къ тому, что въ сельскомъ хозяйствѣ отпадаютъ или до послѣдней степени ослабляются всѣ три основныхъ преимущества крупной индустріи; и соединеніе, и раздѣленіе труда, и пользованіе машинами—вопросъ, который и у Давида подвергнутъ особо-детальной разработкѣ; значеніе всѣхъ этихъ трехъ условій «далеко отступаетъ передъ тѣми успѣхами способовъ производства, которые непосредственно касаются біологическаго процесса», а эти успѣхи мелкому хозяйству даже болѣе доступны, чѣмъ крупно-капиталистическому: «чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе уходъ за растеніями, борьба съ вредителями», тѣмъ большую массу самаго тщательнаго труда приходится затрачивать на единицу площади,—тѣмъ труднѣе крупному хозяйству даже только достать нужное количество рабочей силы, и тѣмъ острѣе даетъ себя чувствовать плохое качество труда наемныхъ, незаинтересованныхъ въ конечномъ результатѣ, работниковъ; тѣмъ рѣзче выявляется преимущество «хозяина крестьянина, вкладывающаго въ дѣло всю душу»,—преимущество, «недостижимое для крупнаго владѣльца». Аналогичное разсужденіе проводится и въ области животноводства, и въ конечномъ выводѣ «марксистское ученіе о концентраціи производства» признается «непримѣнимымъ къ сельскому хозяйству»; въ земледѣліи, «съ повышеніемъ интенсивности, шансы крупнаго хозяйства уменьшаются», и въ конечномъ результатѣ «интересы высшей сельскохозяйственной производительности страны, интересы сохраненія плодородія почвы, все это одинаково требуетъ развитія въ сторону «мелкой формы сельскаго хозяйства».

IV.

Важнѣйшія теченія соціалистической мысли.

Переходя теперь къ Россіи, я буду говорить исключительно о тѣхъ теченіяхъ, въ частности, соціалистической мысли, которыя нашли себѣ выраженіе въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ или въ работахъ програмнаго характера, и вовсе не буду касаться такъ называемыхъ партійныхъ «платформъ», которыя, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣютъ ничего общаго не только съ теоріями, но и съ программами соотвѣтственныхъ партій.

У насъ, въ Россіи, представлены всѣ теченія какъ соціалъ-демократической, такъ и соціалистической, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, мысли. Обстоятельное догматическое развитіе ортодоксально-марксистской точки зрѣнія, съ нѣкоторою, можетъ быть, буржуазною окраской, мы находимъ у А. И. Скворцова. Его конечный выводъ сводится къ тому, что «развитіе техники и усиленное приложеніе науки во всѣхъ отрасляхъ земледѣльческаго производства во многихъ случаяхъ *лишаетъ* мелкое хозяйство всѣхъ преимуществъ и въ тѣхъ отрасляхъ, которыя до недавняго времени составляли его монополію». Частью подъ теоретическимъ или догматическимъ, главнымъ же образомъ подъ эволюціонно-историческимъ угломъ зрѣнія разсматриваютъ вопросъ Вл. Ильинъ (нынѣ Н. Ленинъ!) и П. П. Масловъ. Въ теоріи они оба стоятъ на точкѣ зрѣнія безусловнаго преимущества крупно-капиталистическаго и безусловной несостоятельности мелко-крестьянскаго хозяйства, причемъ аргументація ихъ, собственно въ данномъ направленіи, не представляетъ ничего особенно своеобразнаго. Но дѣйствительную соціально-экономическую эволюцію, имѣющую мѣсто у насъ, въ Россіи, они представляютъ себѣ совершенно различно. Въ изображеніи Вл. Ильина эволюція сельско-хозяйственныхъ отношеній въ Россіи—неудержимое побѣдоносное шествіе капитализма, сопровождаемое, въ средѣ самаго крестьянства, рѣзко прогрессирующею дифференціаціею—выдѣленіемъ, въ одну

сторону, верхняго, капиталистическаго слоя «землевладѣльцевъ и фермеровъ»; въ другую—нижняго — сельскаго пролетаріата, и «выщелачиваніемъ» и обезсиленіемъ средняго слоя, настоящихъ трудовыхъ земледѣльцевъ. Конечно, торжествующій капитализмъ до крайности обостряетъ всѣ противорѣчія—но онъ *создалъ* крупное земледѣльческое производство, далъ громадный толчекъ техническому прогрессу, способствовалъ освобожденію личности крестьянина и разрушенію пережитковъ крѣпостническаго быта.

Совершенно иначе представляетъ себѣ дѣло Масловъ. И для него *нормальный* ходъ эволюціи сельскохозяйственныхъ отношеній — концентрація производства и связанное съ нею развитіе производительныхъ силъ (въ томъ—своеобразномъ и нѣсколько неопредѣленномъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ или этотъ принципъ понимается у Маслова). Но развитіе производительныхъ силъ — не только *слѣдствіе*, но и *предпосылка* концентраціи и дифференціаціи; потому что только при наличности этой предпосылки капиталу есть расчетъ брать на себя организацію сельско-хозяйственнаго производства. Поэтому, дифференціація фактически наблюдается у насъ только на рѣдконаселенныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ, гдѣ — по рѣшительно не раздѣляемому мною взгляду Маслова — только и наблюдается, въ настоящее время, развитіе производительныхъ силъ. Въ остальной, густо населенной части Европейской Россіи концентраціи и дифференціаціи фактически нѣтъ. Мелкое трудовое крестьянство чрезвычайно живуче; но это только потому, что здѣсь имѣетъ мѣсто *паденіе* производительныхъ силъ, которое создаетъ условія, невыгодныя для развитія капиталистическаго земледѣлія и способствующія сохраненію кабально-крѣпостническихъ формъ аренды и найма на сельскохозяйственныя работы, которыя приблизительно такъ же «поддерживаютъ» трудовое крестьянство... какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго [1]).

Другое теченіе русской соціалистической мысли, которое

[1]) Уподобленіе принадлежитъ не Маслову, а мнѣ.

можно подвести подъ общую характеристику народно-соціалистическаго или просто народническаго, ведетъ свое начало отъ Чернышевскаго. Наиболѣе видными представителями его, внесшими тѣ или другія самостоятельныя ноты въ разработку аграрной теоріи народническаго соціализма, являются Н. А. Булгаковъ, В. Д. Косинскій и Н. П. Огановскій — рядомъ съ ними я назвалъ бы еще А. В. Чаянова, хотя въ его работахъ соціально-политическая окраска проявляется съ далеко меньшею степенью яркости. Они цѣликомъ воспринимаютъ всю совокупность аргументовъ, разработанныхъ у Давида, иногда даже чрезмѣрно утрируя тѣ или другіе изъ этихъ аргументовъ и слишкомъ просто справляясь даже съ несомнѣнными преимуществами крупно-капиталистическаго владѣнія и хозяйства. Со своей стороны, въ добавокъ къ этимъ аргументамъ и въ противовѣсъ капиталистическому принципу максимальнаго чистаго дохода (у Маслова принимающему видъ принципа производительности т р у д а), они выдвигаютъ принципъ производительности з е м л и — максимумъ продукта, длительнымъ образомъ получаемаго съ единицы площади; выдвигаютъ взглядъ на землю не какъ на простое средство производства, а какъ на к о р м и л и ц у, которая должна, прежде всего, накормить возможно большее количество ртовъ, дать приложеніе возможно большей массѣ человѣческаго труда. А этотъ взглядъ, естественно, приводитъ къ безусловно благопріятнымъ для мелкаго трудового хозяйства заключеніемъ, въ основѣ которыхъ лежитъ теоретическій анализъ существа мелкаго трудового хозяйства, въ его противуположеніи крупному капиталистическому. Цѣль послѣдняго — полученіе земельной ренты и прибыли на затраченный капиталъ; цѣль хозяйствующаго крестьянина — выработать необходимыя средства существованія и найти мыслимо-полное приложеніе для своего труда. Капиталистическій предприниматель не будетъ затрачивать капитала, въ частности дѣлать затраты на оплату наемнаго труда, если онѣ обѣщаютъ т о л ь к о возмѣститься, и не обѣщаютъ ему нормальной прибыли и возмѣщенія ренты; крестьянинъ удовольствуется и половиною, и четвертью нормальной при-

были, обойдется даже и совсѣмъ безъ прибыли, лишь бы результаты трудовыхъ затратъ окупали затраченный трудъ, при извѣстныхъ условіяхъ пойдетъ даже на оплату его по пониженной оцѣнкѣ — ему все же выгоднѣе приложить свой трудъ въ своемъ хозяйствѣ, чѣмъ оставить его вовсе неиспользованнымъ—«лежать на печи», или идти работать по найму. Вотъ почему крестьянинъ м о ж е т ъ обрабатывать худшія по качеству или менѣе выгодно расположенныя земли, м о ж е т ъ доводить обработку каждаго даннаго участка земли до значительно болѣе высокой степени интенсивности, чѣмъ хозяинъ капиталистическаго типа, — слѣдовательно получать съ данной площади большую массу продукта, большій валовой доходъ; это именно потому, что онъ не останавливается и передъ такими добавочными затратами труда, которыя, въ силу дѣйствія такъ называемаго закона уменьшающейся производительности земли, уже не будетъ обѣщать ему прибыли и ренты, но которыя позволятъ ему окупить свой трудъ.

Технически мелко-крестьянское хозяйство м о ж е т ъ, значитъ, усвоить всѣ преимущества крупно-капиталистическаго и, наоборотъ, пріобрѣсти, въ извѣстныхъ направленіяхъ, преимущество передъ послѣднимъ,—и это тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ дальше идетъ усовершенствованіе сельскаго хозяйства, чѣмъ больше чисто-механическіе процессы экстенсивной обработки земли уступаютъ первенствующую роль воздѣйствію на ж и в ы е о р г а н и з м ы сельскохозяйственныхъ растеній и животныхъ. Э к о н о м и ч е с к и мелко-крестьянское хозяйство, въ силу своей трудовой сущности, м о ж е т ъ достигать большей интенсивности и большаго совершенства, чѣмъ капиталистическое, м о ж е т ъ обезпечить большую производительность земли, м о ж е т ъ, слѣдовательно, лучше служить общенародному интересу, можетъ именно потому, что предѣлъ экономически-возможныхъ для него трудовыхъ затратъ лежитъ для него гораздо дальше, нежели для хозяйства капиталистическаго.

М о ж е т ъ—таково вполнѣ раздѣляемое мною заключеніе соціалъ-демократическаго ревизіонизма и русскаго народно-соціалистическаго теченія. Но эта возможность претво-

ряется въ дѣйствительность лишь при наличности опредѣленныхъ условій. Тотъ же Давидъ констатируетъ тотъ прискорбный фактъ, что с е й ч а с ъ, вслѣдствіе невѣжества, низкаго культурнаго уровня крестьянъ, многія мелкія хозяйства ведутся «еще хуже», нежели крупныя: это только, по убѣжденію Давида, «не органическій порокъ», и онъ постепенно устраняется съ распространеніемъ просвѣщенія. Тотъ же Косинскій, опредѣленно подчеркивающій, что «в ъ п р и р о д ѣ крестьянскаго хозяйства» нѣтъ препятствій къ примѣненію наиболѣе совершенныхъ методовъ сельскохозяйственной техники, признаетъ однако, что есть культурныя препятствія; что въ силу ихъ крестьянское хозяйство въ малокультурныхъ странахъ можетъ далеко отставать, по техникѣ, а слѣдовательно и по производительности, отъ крупно-капиталистическаго; и напротивъ—«чѣмъ выше поднимается культурный уровень населенія, тѣмъ производительнѣе и тѣмъ болѣе способно къ конкурренціи становится крестьянское хозяйство». Вотъ почему — какъ отмѣчаетъ, между прочимъ, Б. Д. Бруцкусъ въ своей книжкѣ о «Крестьянскомъ хозяйствѣ на западѣ», въ Даніи, гдѣ крестьянство стоитъ на наивысшемъ культурномъ уровнѣ, крестьянское хозяйство идетъ впереди капиталистическаго, лучше его сумѣло приспособиться къ требованіямъ современнаго экономическаго момента; не отстаетъ оно отъ крупно-капиталистическаго хозяйства и въ Голландіи,—и здѣсь крестьянское хозяйство представляетъ отрадную картину быстраго прогресса и приспособляемости къ условіямъ времени и мѣста. Но уже въ Германіи крестьянскія хозяйства пока не стоятъ еще на передовой позиціи—роль вождя на пути сельско-хозяйственнаго прогресса принадлежитъ пока еще крупно-капиталистическому хозяйству, и только въ самое послѣднее время съ нимъ начинаетъ сравниваться мелко-крестьянское хозяйство наиболѣе передовыхъ районовъ.

Что же, спрашивается, должна представлять собою наша русская дѣйствительность? Съ одной стороны, безспорнымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію фактомъ является крайне низкій культурный уровень нашихъ народ-

ныхъ массъ, и въ частности — массы нашего крестьянства, безразлично, будемъ ли мы имѣть въ виду общекультурный уровень, или уровень крестьянской земледѣльческой культуры; въ крайней отсталости этой послѣдней лежитъ вѣдь, въ конечномъ счетѣ, самое существо, самое больное мѣсто нашего аграрнаго вопроса, и самое наше малоземелье, въ концѣ концовъ, есть лишь субъективное ощущеніе послѣдствій этой культурной отсталости. Съ другой стороны, по общераспространенному и—скажу сейчасъ же—въ значительной долѣ справедливому, взгляду у насъ, въ Россіи, крупное землевладѣніе больше чѣмъ гдѣ-либо пропитано тѣми отрицательными чертами, которыя специфически присущи дворянскому землевладѣнію, въ наибольшей мѣрѣ сохранило черты феодально-крѣпостническаго строя хозяйства. Въ какую же сторону, спрашивается, склоняется равнодѣйствующая этой совокупности специфически-русскихъ чертъ, одинаково неблагопріятныхъ и для крупно-помѣстнаго, и для трудового крестьянскаго землевладѣнія?

Въ общемъ и цѣломъ, наше крупно-помѣстное землевладѣніе, несомнѣнно, представляетъ картину быстраго разложенія. По приблизительному подсчету, за время съ момента освобожденія крестьянъ и слѣдовательно—обособленія помѣстнаго землевладѣнія отъ крестьянскаго, до начала войны изъ рукъ помѣстнаго класса ушло около 35 милліоновъ десятинъ, считая притомъ только одни тѣ имѣнія которыя перешли въ руки лицъ крестьянскаго сословія; по подсчету еще болѣе приблизительному, изъ этой общей площади до 25 милліоновъ десятинъ можно считать перешедшими въ руки, собственно, трудового крестьянства. Изъ остального пространства, составляющаго, приблизительно, 80 милліоновъ десятинъ, примѣрно около 30 милліоновъ приходится на долю лѣса, который, конечно, можетъ и долженъ подлежать огосударствленію, но этотъ лѣсъ почти не идетъ въ разсчетъ въ вопросѣ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. На долю земельныхъ угодій остается около 50 милл. десятинъ. Весьма значительная доля этой площади, поддающаяся даже не приблизительному

подсчету, а лишь грубой, примѣрной оцѣнкѣ, и по такой примѣрной оцѣнкѣ составляющая отъ одной трети до половины всей площади, эксплоатируется крестьянами на правѣ краткосрочной аренды — годовой или на одинъ трехпольный кругъ; а такая аренда, можно не обинуясь сказать, есть наихудшій изъ всѣхъ мыслимыхъ видовъ эксплоатаціи земли: достаточно того общеизвѣстнаго факта, что урожаи на земляхъ крестьянской краткосрочной аренды ниже урожаевъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Такая краткосрочная аренда—вѣрный способъ высасыванія соковъ изъ земли, а по отношенію къ арендаторамъ она вполнѣ можетъ быть уподоблена системѣ «выжиманія пота» [1]). Весьма значительная доля того, не сдаваемаго въ крестьянскую аренду, остатка, который эксплоатируется за «экономическій» счетъ, обрабатывается, затѣмъ, крестьянскимъ скотомъ и крестьянскимъ инвентаремъ; притомъ, весьма обычно, если не въ видѣ правила, въ видѣ отработковъ за арендуемыя угодья, главнымъ образомъ за пресловутые «отрѣзки», «клинья» и «западни». Въ такого рода случаяхъ отработки представляютъ собой уже прямое продолженіе кабальной барщины крѣпостныхъ временъ.

Поскольку это такъ — поскольку частновладѣльческія земли, въ самомъ дѣлѣ, эксплоатируются путемъ сдачи въ краткосрочную аренду или путемъ отработковъ,— постольку приговоръ крупно-помѣстному владѣнію можетъ быть вынесенъ только одинъ: «виновно и не заслуживаетъ никакого снисхожденія». Ликвидація всѣхъ владѣній этого типа — а такихъ, конечно, подавляющее большинство—и передача земли трудовому крестьянству не можетъ вызывать никакихъ возраженій, и вопросъ можетъ идти лишь о томъ, произвести ли такую ликвидацію въ видѣ

---

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду, конечно, лишь преобладавшій типъ отношеній, облекающихся въ форму краткосрочной аренды; преобладаніе этого типа отношеній нисколько не мѣшаетъ тому, что въ той или другой части имѣній владѣльцы не слишкомъ злоупотребляютъ или даже вовсе не злоупотребляютъ выгодами своего положенія и не «выжимаютъ пота» изъ своихъ, болѣе или менѣе подневольныхъ, арендаторовъ.

простой конфискаціи — или въ формѣ выкупа по справедливой оцѣнкѣ. На первый взглядъ простая справедливость говоритъ за конфискацію: будучи, исторически, плодомъ насилія и захвата, такія владѣнія и экономически не имѣютъ для себя никакого оправданія: они представляютъ собою не болѣе какъ орудія эксплоатаціи окрестнаго трудового населенія, а такое орудіе эксплоатаціи съ такимъ-же правомъ можетъ быть, просто, отобрано у эксплоататоровъ, какъ полвѣка тому назадъ у нихъ было отнято непосредственное право на «души». Но въ дѣйствительности это, казалось бы простое рѣшеніе не было бы правильнымъ, не было бы даже справедливымъ рѣшеніемъ. Кредитныя и всякія иныя денежныя отношенія слишкомъ тѣсно связали землевладѣльческій классъ со всѣми другими, въ той или иной мѣрѣ имущими, классами населенія, и конфискація ударила бы, едва ли не въ большинствѣ случаевъ, не столько самихъ землевладѣльцевъ, сколько тѣсно связанный съ землевладѣніемъ движимый капиталъ. А пока существуетъ капиталистическій строй, съ интересами капитала нельзя не считаться. Да и было бы несправедливо обездолить одну изъ группъ капиталистическаго или, говоря шире, имущаго класса, и въ особенности владѣльцевъ купленныхъ земель, пока для другихъ право собственности на капиталъ остается въ силѣ.

V.

Крупно-капиталистическое земледѣліе въ Россіи.

Такъ или иначе, въ порядкѣ ли конфискаціи или — какъ я считаю болѣе цѣлесообразнымъ и даже справедливымъ—принудительнаго отчужденія по справедливой оцѣнкѣ, всѣ земельныя площади, входящія въ составъ имѣній, эксплоатируемыхъ на началахъ краткосрочной аренды или отработковъ, могутъ, а слѣдовательно и должны быть ликвидированы, безъ всякаго ущерба для народнаго хозяйства и народныхъ интересовъ, и земля можетъ пойти на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Но было бы

большою ошибкою думать, что весь вопросъ сводится къ этому отживающему или отжившему кабально-крѣпостническому типу помѣстнаго владѣнія. Даже разсматриваемое въ цѣломъ, т. е. включая земли, слагаемыя въ краткосрочную аренду и обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ, хозяйство на владѣльческихъ земляхъ, все-таки стоитъ, и не только стоитъ, но продолжаетъ идти впереди крестьянскаго. Мы видѣли, что крестьянскіе урожаи растутъ: въ среднихъ цифрахъ за пять послѣдовательныхъ десятилѣтій средній для всей европейской Россіи урожай всѣхъ хлѣбовъ выразился у крестьянъ цифрами 29—31—34—39—43 пуда. Но урожаи на владѣльческихъ земляхъ, всегда превышавшіе крестьянскіе, и растутъ быстрѣе: соотвѣтственныя среднія за тѣ же пять десятилѣтій выражаются цифрами 33—37—42—47—54 пуда. Крестьянскіе урожаи возросли, въ среднемъ, на 48%, а урожаи на владѣльческихъ земляхъ — на 64%, и, значитъ, разница въ урожайности между крестьянскими и владѣльческими землями не сгладилась, а обострилась: въ среднихъ за пять послѣдовательрыхъ десятилѣтій цифрахъ эта разница выразилась 14—19—23—20—25%. Значитъ, даже взятое въ общемъ и цѣломъ, хозяйство на владѣльческихъ земляхъ прогрессировало сильнѣе, нежели на крестьянскихъ. А затѣмъ еще вотъ какое обстоятельство: пока сравненіе между крестьянскими и владѣльческими урожаями проводилось, такъ сказать, въ статикѣ, превосходство владѣльческихъ урожаевъ надъ крестьянскими еще можно было объяснять качественнымъ превосходствомъ владѣльческихъ земель и другими общеизвѣстными соображеніями, не относящимися къ постановкѣ земледѣльческаго хозяйства на земляхъ той и другой категоріи. Но приведенныя выше цифры, изображающія динамику урожаевъ показываютъ, что обстоятельствамъ этой категоріи нельзя приписывать рѣшающаго значенія: качественное превосходство владѣльческихъ земель передъ крестьянскими, во всякомъ случаѣ, не усилилось; едва ли существенно усилились и невыгодныя для крестьянъ послѣдствія отработковъ и т. п., а потому увеличеніе разницы въ урожайности едва возможно объяснить

чѣмъ либо другимъ, какъ — къ сожалѣнію — болѣе медленнымъ ходомъ сельскохозяйственнаго прогресса на крестьянскихъ, нѣсколько болѣе быстрымъ на владѣльческихъ земляхъ.

О значительномъ—пока еще—качественномъ—преимуществѣ владѣльческаго хозяйства передъ крестьянскимъ (на этотъ разъ идетъ рѣчь уже не о категоріяхъ владѣній, а именно о типахъ хозяйствъ) говорятъ и другого рода цифровыя данныя. Главнымъ моментомъ агрикультурнаго прогресса является у насъ, въ особенности въ нечерноземной полосѣ, полевое травосѣяніе: въ передовыхъ, въ сельскохозяйственномъ отношеніи, районахъ черноземной полосы главнымъ двигателемъ сельскохозяйственнаго прогресса является сахарная свекловица. Выше были приведены цифры, показывающія, что травосѣяніе распространяется въ крестьянскомъ хозяйствѣ чрезвычайно быстро; добавлю здѣсь—быстрѣе, чѣмъ во владѣльческомъ. И тѣмъ не менѣе, по даннымъ сельскохозяйственной переписи 1916 года, посѣвныя травы занимаютъ въ хозяйствахъ «крестьянскаго типа» всего 1,9, во владѣльческихъ 9% всей посѣвной площади. Если взять два передовыхъ по травосѣянію района нечерноземной полосы, подмосковный и приозерный, то подъ посѣвными травами въ хозяйствахъ крестьянскаго типа окажется: въ первомъ 5,3, во второмъ 5%, у владѣльцевъ 28 и 19%; въ двухъ передовыхъ районахъ черноземной полосы—юго-западномъ и малороссійскомъ, подъ посѣвными травами занято у крестьянъ 1,3 и 3,0%, у владѣльцевъ 6½ и 10%. Что касается до сахарной свеклы, то еще недавно мы могли находить себѣ нѣкоторое утѣшеніе въ печатаемыхъ главнымъ акцизнымъ управленіемъ данныхъ о посѣвахъ свеклы у «плантаторовъ»,—мы предполагали, что «плантаторскіе» посѣвы, которые довольно значительны и притомъ быстро растутъ, суть, болѣе или менѣе цѣликомъ, посѣвы крестьянскіе. Между тѣмъ, по даннымъ той-же сельско-хозяйственной переписи, сахарная свекла, въ общихъ по всей странѣ итогахъ, занимаетъ у владѣльцевъ 5,1%, въ хозяйствахъ крестьянскаго типа всего 0,1%; если даже взять тѣ-же два передовыхъ, въ

частности по свеклѣ, района черноземной полосы, то только въ юго-западномъ свекла занимаетъ у крестьянъ 2,2%, въ малороссійскомъ уже только 0,4%, тогда какъ у владѣльцевъ она занимаетъ: въ первомъ 19, во второмъ 11% всей посѣвной площади. Въ концѣ концовъ, такому убѣжденному сторонніку крестьянскаго трудового хозяйства, какъ Огановскій, приходится признать, что «въ Россіи, переживающей кризисъ экстенсивнаго трехполья, конечно, невозможно говорить, что мелкое хозяйство развиваетъ производительность труда болѣе, чѣмъ крупное, и этимъ побиваетъ его. Здѣсь, какъ часто бываетъ при ломкѣ старой системы земледѣлія (курс. мой. А. К.), нѣкоторыя крупныя хозяйства даже идутъ во главѣ реформы сельскохозяйственнаго производства».

Какъ же согласовать такіе, на первый взглядъ, другъ друга исключающіе акты? Владѣльческое хозяйство разлагается; въ главной своей массѣ оно зиждется на кабально-крѣпостническихъ отношеніяхъ,—а между тѣмъ, неоспоримыя цифровыя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что даже въ общемъ и цѣломъ оно все еще идетъ впереди крестьянскаго. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ хотя бы у того же Огановскаго—я потому цитирую именно его, что его уже никакъ нельзя заподозрить въ предвзятой склонности выискивать или подчеркивать какія-либо преимущества крупно-помѣстнаго владѣнія и капиталистическаго хозяйства. Онъ констатируетъ, что послѣ крестьянской реформы «происходилъ, повидимому, естественный отборъ болѣе приспособленныхъ, т. е. лучше оборудованныхъ сельско-хозяйственнымъ капиталомъ единицъ»; добавляю отъ себя—не только капиталомъ, но и умѣньемъ или желаніемъ научиться вести дѣло; въ то время, какъ «слабо оборудованныя хозяйства сдавались въ аренду, закрывались и распродавались», лучше оборудованныя «кое-гдѣ даже сокращали сдачу въ аренду, увеличивали собственную запашку» и, опять-таки, добавлю отъ себя, работали надъ повышеніемъ своего качественнаго уровня.

Правильно ли, однако, говорить, какъ дѣлаетъ Огановскій, только о «нѣкоторыхъ хозяйствахъ», лишь о «кое-

гдѣ» проявляющейся живучести крупно-помѣстнаго владѣнія? Нѣтъ, едва-ли. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мною были использованы сведенныя министерствомъ финансовъ массовыя данныя о распредѣленіи по величинѣ дворянскихъ имѣній въ два момента, раздѣленныхъ 18-лѣтнимъ періодомъ времени: въ 1877 и 1895 г.г. Изъ этихъ данныхъ ясно, что отборъ жизнеспособныхъ владѣній идетъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, представляетъ собой, какъ-никакъ, массовое явленіе. Въ то время именно, какъ общее число и общая площадь какъ среднихъ по величинѣ, такъ и крупныхъ и крупнѣйшихъ владѣній, какъ естественно было ожидать послѣ сказаннаго выше, рѣзко сократилась, средній размѣръ среднихъ и крупныхъ владѣній остался почти безъ измѣненій, а средній размѣръ крупнѣйшихъ (болѣе 5.000 дес.) владѣній замѣтно возросъ. Совершенно справедливо А. Г. Дояренко, почти 20 лѣтъ тому назадъ, констатировалъ, что «движеніе земельной собственности направлено къ тому, чтобы выработать нѣкоторый средній типъ хозяйства», но въ то же время выдѣлялъ «тѣ капиталистическія хозяйства, которыя имѣются въ замѣтномъ количествѣ» (курсивъ мой. А. К.) и которыя представляютъ собой «соединеніе преимущественно крупныхъ имѣній въ еще болѣе крупныя единицы, концентрируя въ однѣхъ рукахъ, такимъ образомъ, все большія количества земли»; это—какъ отмѣтилъ около того же времени проф. Левитскій, «цѣлая категорія латифундіарныхъ владѣній, соединенныхъ съ сельско-хозяй-

---

[1]) Въ сборникѣ «Аграрный вопросъ, протоколы засѣданій аграрной комиссіи и т. д.»; изд. аграрной комиссіи партіи народной свободы. СПБ. 1907. Къ моимъ двумъ работамъ, напечатаннымъ въ этомъ сборникѣ, а также къ моей работѣ «Къ вопросу о культурно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія», напечатанной во 2-мъ томѣ сборника «Аграрный вопросъ», изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова (М. 1907) я позволяю себѣ отослать читателя за довольно обильнымъ, сведеннымъ въ названныхъ моихъ работахъ, фактическимъ матеріаломъ, а также за подробною мотивировкой тѣхъ соображеній, которыя могли быть даны лишь въ самомъ краткомъ, почти конспективномъ, изложеніи.

ственною индустріею, въ которыхъ, благодаря культурѣ корнеплодовъ, травосѣянію и т. п., ведется интенсивная система хозяйства»; тотъ самый типъ «хозяйства-латифундіи», убѣжденнымъ теоретикомъ котораго являлся, какъ извѣстно, покойный А. И. Скворцовъ, видѣвшій въ немъ максимумъ хозяйственной цѣлесообразности, планомѣрную комбинацію технико-экономическихъ преимуществъ средняго съ таковыми-же преимуществами крупнѣйшаго сельско-хозяйственнаго предпріятія.

О несомнѣнно-происходящемъ выкристаллизованіи «цѣлой категоріи» владѣльческихъ хозяйствъ, уже не кабально-крѣпостническаго, а производственно-капиталистическаго типа (хотя во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, съ еще сохранившеюся болѣе или менѣе существенною подмѣсью кабальныхъ элементовъ) говорятъ и качественныя данныя. Десять лѣтъ тому назадъ мною сдѣлана была сводка данныхъ о 1.570, признававшихся въ томъ или другомъ отношеніи болѣе или менѣе интересными, хозяйствахъ, описанныхъ въ извѣстномъ пятитомномъ изданіи департамента земледѣлія, общею площадью около 6 милл. десятинъ. По этимъ даннымъ, относящимся, необходимо подчеркнуть, къ 1895 году, въ 352-хъ имѣніяхъ, изъ этого числа, велось улучшенное зерновое хозяйство съ посѣвомъ травъ, въ 246-ти съ корнеплодами, въ 207-ми съ сахарною свеклой, въ 344-хъ велось чисто плодосмѣнное хозяйство, да сверхъ того въ 145 хозяйствахъ тотъ или другой изъ поименованныхъ типовъ хозяйства комбинировался съ простымъ трехпольемъ; въ 131 хозяйствѣ велись правильные полевые опыты, въ 116-ти метеорологическія наблюденія.

Здѣсь не мѣсто прослѣживать наблюдаемыхъ, въ указанномъ направленіи, порайонныхъ различій собственно въ строѣ полевого хозяйства, ярко выразившихся въ данныхъ о 1.570 хозяйствахъ. Слѣдуетъ, однако, подчеркнуть, что въ помѣстныхъ владѣніяхъ нечерноземной полосы преобладающая роль принадлежитъ не сельскому, а лѣсному хозяйству, сельскохозяйственное же производство, по большей части, играетъ второстепенную роль, а нерѣдко носитъ просто, любительскій характеръ; въ центрѣ владѣльческое

хозяйство имѣетъ, въ общемъ и цѣломъ, по преимуществу кабально-крѣпостническій характеръ, а болѣе или менѣе выдающіяся, иногда и чрезвычайно выдающіяся, хозяйства капиталистическаго или культурнаго типа представляютъ собой болѣе или менѣе рѣдкія исключенія. Но въ юго-западномъ, частью въ малороссійскомъ, районѣ построенныя на чисто-капиталистической основѣ и технически совершенно оборудованныя владѣльческія и крупно-арендаторскія хозяйства представляютъ собою гдѣ рѣшительно господствующій, гдѣ, во всякомъ случаѣ, весьма распространенный типъ, и именно здѣсь ведется наиболѣе интенсивное и наиболѣе передовое хозяйство, дающее высокіе урожаи и связанное, по большей части, съ техническою переработкою продуктовъ. Между тѣмъ, такія интенсивныя и передовыя хозяйства выгодны не только съ производственной точки зрѣнія—это, конечно, не требуетъ особой мотивировки; они не только, несмотря на все различіе въ общемъ строѣ, имѣютъ опредѣленное показательное значеніе для окружающихъ мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ,—существованіе ихъ и болѣе непосредственно выгодно для окрестнаго трудового населенія; доставляемые хозяйствами этого типа трудовому населенію заработки, благодаря высокой трудоёмкости такихъ хозяйствъ, больше, чѣмъ весь валовой доходъ, получаемый съ такой же площади при заурядномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ хозяйствахъ этого типа даже урожаи общераспространенныхъ зерновыхъ культуръ, нерѣдко, вдвое или болѣе чѣмъ вдвое превышаютъ урожаи у крестьянъ. Но «при такомъ перевѣсѣ урожаевъ, по справедливому замѣчанію покойнаго А. И. Чупрова, заработокъ крестьянъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ превзойдетъ ихъ доходъ на надѣльной землѣ... Въ хорошихъ имѣніяхъ разныхъ губерній,—такъ поясняетъ А. И. Чупровъ эту мысль,—на заработную плату издерживается 60—80% всѣхъ расходовъ, что составляетъ приблизительно 50—70% валового сбора; при превышеніи урожая вдвое противъ крестьянскаго, заработная плата съ каждой десятины составитъ не меньшую, а скорѣе большую, сумму, чѣмъ выручка крестьянъ на надѣльной землѣ». Въ еще

большей мѣрѣ тоже справедливо для имѣній, гдѣ ведется хозяйство съ сахарною свеклой и другими корнеплодами. Десятина хлѣба поглощаетъ отъ 15 до 30, десятина свеклы около 120—140 рабочихъ дней. Даже при неимовѣрно-низкой заработной платѣ, существовавшей въ юго-западномъ краѣ 10—15 лѣтъ тому назадъ, денежный заработокъ съ десятины свеклы составлялъ 70—90 р., съ десятины общей площади подъ свекольнымъ сѣвооборотомъ отъ 18 до 26 р., тогда какъ валовой доходъ съ десятины крестьянской пашни колебался между 8 и 18 рублями. Насколько больше будетъ разница въ пользу интенсивнаго владѣльческаго хозяйства при уже значительно измѣнившихся послѣ 1905—6 г.г. и имѣющихъ еще сильнѣе измѣниться, въ дальнѣйшемъ, отношеніяхъ въ области сельскохозяйственнаго найма, когда рабочій день уже не будетъ оплачиваться 22 копѣйками въ посѣвѣ и 34 копѣйками въ жатвенную страду?

Тутъ, однако, напрашиваются два возраженія. Первое. Не обусловливается ли самая возможность интенсивныхъ капиталистическихъ хозяйствъ именно такою безбожно-низкою заработною платой, не обречены ли они на гибель, разъ измѣнившійся характеръ соціальныхъ отношеній сдѣлаетъ такія низкія платы невозможными? Если да, то интенсивныя хозяйства должны будутъ ликвидироваться и, слѣдовательно, вопросъ разрѣшается самъ собою. Но утверждать, что это именно такъ случится, нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Капиталистическое производство обладаетъ высокою степенью приспособляемости. Въ индустріи высокая заработная плата, въ концѣ концовъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ техническаго прогресса. Болѣе нежели правдоподобно, что то же будетъ имѣть мѣсто и въ сельскомъ хозяйствѣ. Пока что, уже имѣвшее мѣсто нѣкоторое повышеніе заработныхъ платъ, сколько мнѣ извѣстно, нимало не отразилось на судьбѣ интенсивныхъ хозяйствъ. Напротивъ, въ сведенномъ мною 10 лѣтъ тому назадъ матеріалѣ есть прямыя указанія на то, что повышеніе заработной платы послужило толчкомъ къ тѣмъ или другимъ техническимъ улучшеніямъ. Знаменитый аграрный

кризисъ 70-хъ и 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія былъ вызванъ вполнѣ аналогично дѣйствующимъ факторомъ—паденіемъ цѣнъ на продукты; между тѣмъ, онъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ не гибель—какъ ожидалось—капиталистическаго земледѣлія, а лишь приспособленіе жизнеспособныхъ его элементовъ къ измѣнившимся условіямъ. Есть полное основаніе ожидать того же и отъ повышенія, въ разумныхъ предѣлахъ, заработной платы. Второе возраженіе. Разница въ пользу капиталистическаго хозяйства обусловливается крайне низкимъ, пока, уровнемъ сельскохозяйственной техники у крестьянъ. Въ свободной странѣ эта техника будетъ быстро прогрессировать, въ особенности когда крестьянское хозяйство въ полной мѣрѣ воспользуется благами кооператизаціи,— а при такихъ условіяхъ валовой доходъ крестьянскаго хозяйства, конечно, не будетъ меньше заработка въ капиталистической экономіи. Я тоже глубоко вѣрю въ способность крестьянскаго хозяйства къ техническому прогрессу, а слѣдовательно—въ грядущее повышеніе его производительности и доходности, вѣрилъ и тогда, когда отрицать ее было признакомъ хорошаго народническаго тона. Но совершенно не доказано, чтобы то и другое могло послѣдовать въ видѣ такого рѣзкаго скачка, при условіи котораго только и можно было бы ожидать, что получившійся отъ ликвидаціи интенсивныхъ капиталистическихъ хозяйствъ минусъ сразу же покроется тѣмъ плюсомъ, какой дастъ интенсификація крестьянскаго хозяйства. При такихъ условіяхъ немедленная ликвидація интенсивныхъ капиталистическихъ хозяйствъ была бы слишкомъ большимъ скачкомъ въ неизвѣстное,— разумнѣе будетъ выждать того—надо надѣяться—не слишкомъ отдаленнаго времени, когда способность крестьянскаго хозяйства достигнетъ достаточной степени интенсивности и изъ предположенія станетъ фактомъ.

Итакъ, наличность извѣстнаго отбора передовыхъ капиталистическихъ хозяйствъ, во всякомъ случаѣ многихъ сотенъ, можетъ быть за тысячу, съ тѣмъ или другимъ числомъ милліоновъ десятинъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Что роль хозяйствъ этого типа совершенно иная, нежели роль заурядныхъ владѣній «феодально-крѣпостническаго»

типа, базирующихся на краткосрочныхъ арендахъ и отработкахъ; что иное отношеніе къ нимъ самого окрестнаго крестьянства,—это видно хотя бы изъ данныхъ о характерѣ крестьянскаго движенія въ 1904—6 г.г., сведенныхъ хотя бы во 2-мъ томѣ извѣстной книги П. П. Маслова «Аграрный вопросъ»: въ то время, какъ въ области мелкихъ арендъ и отработковъ крестьянское движеніе было направлено непосредственно къ уничтоженію крупныхъ владѣній и къ раздѣлу земли между крестьянами,—въ области господства интенсивныхъ капиталистическихъ хозяйствъ это были болѣе или менѣе исключительно движенія забастовочнаго типа, имѣвшія цѣлью не уничтоженіе крупнокапиталистическихъ хозяйствъ, а повышеніе безбожно низкой, въ самомъ дѣлѣ, заработной платы. Крестьянское движеніе въ области распространенія хозяйствъ даннаго типа представляло, значитъ, полную аналогію съ рабочимъ движеніемъ въ крупной индустріи, что уже само по себѣ наводитъ на мысль о томъ, что и земледѣльческій капитализмъ играетъ нѣкоторую положительную роль, аналогичную роли промышленнаго капитализма.

Впрочемъ, съ этою положительною ролью передовыхъ капиталистическихъ хозяйствъ считаются, въ извѣстной степени, и представители новаго народничества или народнаго соціализма, по крайней мѣрѣ болѣе умѣренные. Такъ, по плану Н. П. Огановскаго, «наиболѣе культурныя имѣнія, могущія обратиться въ образцовыя фермы, питомники, племенные разсадники и пр., передаются въ распоряженіе обновленныхъ земствъ и кооперативовъ»; по одной изъ записокъ А. В. Чаянова, просто, изъемлются отъ выкупа «хозяйства высокой интенсивности и особой технической цѣнности, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства», въ районахъ же, гдѣ нѣтъ малоземелья, также и всѣ вообще «крупныя владѣнія, эксплоатируемыя самими владѣльцами», причемъ, однако, «въ дальнѣйшемъ податное обложеніе капиталистическаго хозяйства должно быть значительно повышено по сравненію съ обложеніемъ трудовыхъ хозяйствъ, что въ ближайшія десятилѣтія должно передать, естественнымъ порядкомъ, всѣ частныя земли въ руки

крестьянства, за исключеніемъ хозяйствъ, особенно раціонально поставленныхъ (племенныя, селекціонныя и пр.), которыя могутъ выдержать это повышенное обложеніе и сохраниться въ интересахъ народнаго хозяйства».

Долженъ сказать, что ни одно изъ этихъ предложеній, по моему убѣжденію, не считается, въ достаточной мѣрѣ, съ серьезностью вопроса. Съ одной стороны, оба они какъ будто игнорируютъ существованіе большихъ имѣній, которыя, не претендуя на значеніе селекціонныхъ, племенныхъ или образцовыхъ фермъ, или имѣясь въ данномъ районѣ въ числѣ, превышающемъ потребность собственно въ учрежденіяхъ этихъ типовъ, полезны, просто, самимъ фактомъ передового характера хозяйства, его высокой интенсивности, а слѣдовательно — весьма высокой по сравненію съ трудовымъ хозяйствомъ доходности. Съ другой, предложеніе Н. П. Огановскаго грѣшитъ чрезмѣрною теоретичностью: мы пока еще не имѣемъ опыта успѣшно ведущихся земствами или кооперативами большихъ доходныхъ хозяйствъ, и не знаемъ, скоро ли выработается цѣлесообразный типъ организаціи такихъ хозяйствъ; при такихъ условіяхъ передача хозяйствъ, дальнѣйшее существованіе которыхъ признается отвѣчающимъ общей пользѣ, въ руки земствъ или кооперативовъ равносильна будетъ замѣнѣ нѣкоторой реальной цѣнности—цѣнностью въ высшей степени проблематическою. Что касается до предложенія А. В. Чаянова, то одно изъ двухъ: либо дальнѣйшее существованіе данной категоріи частныхъ владѣній не отвѣчаетъ общей пользѣ, и тогда слѣдуетъ ихъ немедленно ликвидировать, потому что потребность въ земельномъ фондѣ во всякомъ случаѣ больше мыслимой его наличности: либо оно ей отвѣчаетъ,— въ такомъ случаѣ нельзя путемъ отягченнаго обложенія ставить ихъ въ невозможность существованія и выполненія тѣхъ хозяйственныхъ функцій, ради которыхъ признается желательнымъ ихъ сохранить; и это тѣмъ болѣе, что имѣніе съ наибольшимъ валовымъ доходомъ, съ селекціоннымъ, племеннымъ и т. п. хозяйствомъ, далеко не всегда окажется въ числѣ тѣхъ, которыя даютъ наибольшій чистый доходъ, а потому не всегда именно такое

имѣніе окажется способнымъ выдержать повышенное обложеніе.

Конечно, и то и другое рѣшеніе вопроса лучше, нежели простое растерзаніе имѣній съ передовымъ хозяйствомъ и высокою доходностью, иначе говоря—нежели раздѣлъ ихъ территоріи между крестьянами. Но единственнымъ реальнымъ рѣшеніемъ вопроса, отвѣчающимъ его серьезности, кажется мнѣ, какъ казалось и 10 лѣтъ тому назадъ, приведеніе въ извѣстность всѣхъ имѣній даннаго типа и рѣшительное изъятіе ихъ отъ отчужденія на нѣкоторый опредѣленный минимальный срокъ. Послѣдній былъ бы продолжаемъ до тѣхъ поръ, когда измѣнившіяся условія и, въ частности, рѣшительно измѣнившееся въ благопріятную для крестьянскаго хозяйства сторону соотношеніе интенсивности и доходности крестьянскаго и передового владѣльческаго хозяйства не сдѣлаютъ ненужнымъ существованіе хозяйствъ этой послѣдней категоріи, а слѣдовательно позволятъ планомѣрно ликвидировать послѣднія, безъ ущерба для истиннаго народнаго интереса.